

УДК 811.511.152
EDN AWURJD

<http://vestnikniign.ru>

Научная статья

ОБЪЕКТНЫЕ ФОРМЫ ГЛАГОЛА ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ В ВЕЛЯЗЕМСКО-КАРГАЛЬСКИХ ГОВОРАХ МОКШАНСКОГО ЯЗЫКА

Г. С. Иванова¹, О. В. Белкина²✉, Е. Д. Пахмутова¹

¹ Национальный исследовательский Мордовский
государственный университет им. Н. П. Огарёва,
г. Саранск, Россия

² Научно-исследовательский институт гуманитарных наук
при Правительстве Республики Мордовия,
г. Саранск, Россия

✉ ksyushabelkina1997@mail.ru

Аннотация

Введение. Объектному спряжению мокшанского языка свойственно наличие личных формантов, указывающих на лицо и число как субъекта, так и объекта действия. Только транзитивные глаголы и некоторые интранзитивные глаголы, используемые в значении транзитивных, могут изменяться по объектному спряжению. В данном исследовании мы описываем объектные формы прошедшего времени в веляземско-каргальских говорах мокшанского языка.

Материалы и методы. В качестве материала для анализа использовались диалектные данные, собранные с 2010 по 2021 г. в районах Республики Мордовия, где компактно проживает мокшанское население. Основным методом проведенного исследования является синхронно-описательный, с помощью которого дается характеристика особенностей веляземско-каргальских говоров. Для выявления диалектных особенностей применяется сопоставительный метод.

Результаты исследования и их обсуждение. В результате проведенного исследования было выявлено наличие омонимичных формантов, характерных для множественного числа 1-го и 3-го лица в рядах *tojn'* «его» и *t'in'n'* «вас», а также для форм единственного числа 1-го и 3-го лица в ряде *t'in'n'*. Для веляземско-каргальских говоров свойственно развитие некоторых формантов в составе субъектно-объектных суффиксов. Особое внимание уделяется агглютинации показателей субъекта и объекта, дифференциация которых на фонетическом уровне затронула как корневую морфему, так и субъектно-объектные форманты.

Заключение. Анализ материала исследования свидетельствует о том, что говоры мокшанского языка имеют большую парадигму в сравнении с литературным языком, характеризуются своеобразными субъектно-объектными формантами, выявление которых позволит изучить язык на современном этапе и в диахронии.

Ключевые слова: говор, глагол, спряжение, субъектно-объектный формант, мокшанский язык

Для цитирования: Иванова Г. С., Белкина О. В., Пахмутова Е. Д. Объектные формы прошедшего времени в веляземско-каргальских говорах мокшанского языка // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2024. Т. 16, № 2. С. 197 — 205. EDN AWURJD

© Иванова Г. С., Белкина О. В., Пахмутова Е. Д., 2024

Original article

THE OBJECT FORMS OF THE PAST TENSE VERB IN THE VELAZEM-KARGAL DIALECTS OF THE MOKSHA LANGUAGE

G. S. Ivanova¹, O. V. Belkina²✉, E. D. Pakhmutova¹¹ National Research Mordovia State University,
Saransk, Russia² Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia,
Saransk, Russia

✉ksyushabelkina1997@mail.ru

Abstract

Introduction. The object conjugation of the Moksha language is characterized by the presence of personal formants indicating the person and number of both the subject and the object of action. Only transitive verbs and some intransitive verbs used in the meaning of transitive verbs can change by object conjugation. In this study, we describe the object forms of the past tense in the Velazem-Kargal dialects of the Moksha language.

Materials and methods. The material for analysis was dialect data collected from 2010 to 2021 in the regions of the Republic of Mordovia, where the Moksha population lives compactly. The main method of the research is synchronous-descriptive, with the help of which the state of the Velazemsk-Kargal conversations is characterized. To determine the distinctive features, a comparative method is used.

Results and discussion. As a result of the study, the presence of homonymous formants was revealed, characteristic of the plural of the 1st and 3rd persons in the series *tojn* ‘him’ and *tin’n* ‘you’, as well as for the singular forms of the 1st and 3rd faces in a row *tin’n*. The development of some formants as part of subject-object suffixes is typical for the Velyazem-Kargal dialects. Particular attention is paid to the agglutination of subject and object indicators, the differentiation of which affected both the root morpheme and subject-object formants at the phonetic level.

Conclusion. Prospects for further research are seen in the comprehensive study of verb morphology in Moksha dialects in order to create a dialectological atlas, which will show the paradigm of verb change at the present stage and in diachrony.

Keywords: dialect, verb, conjugation, subject-object formant, Moksha language

For citation: Ivanova GS, Belkina OV, Pakhmutova ED. The Object Forms of the Past Tense Verb in the Velyazemsky-Kargalian Dialects of the Moksha language. *Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia*. 2024;16(2):197—205. EDN AWURJD

Введение

Данное исследование является продолжением работ по изучению морфологии мокшанских диалектов. Актуальность данной темы заключается в необходимости анализа парадигматического потенциала объектного спряжения в веляземско-каргалских говорах мокшанского языка с целью расширения имеющегося материала по спряжению и системному изучению мокшанских диалектов. Для реализации поставленной цели решались следующие задачи: 1) определение информантов среди носителей конкретных говоров; 2) сбор диалектного материала; 3) документирование языковых фактов.

Объектом исследования являются веляземско-каргалские говоры мокшанского языка, которые характеризуются своеобразными субъектно-объектными формантами, отличающимися от таковых в соседних диалектах мокшанского языка.

Обзор литературы

Диалекты всегда привлекали внимание исследователей и находили непосредственное отражение в их работах (Х. Паасонен [17], А. П. Феоктистов [14], С. З. Деваев [3], С. И. Липатов [10], К. И. Ананьина [1], Р. В. Бабушкина [2]). Значимый вклад в исследование мокшанской диалектологии внесли современные лингвисты, среди которых Г. С. Иванова [5; 6; 15], М. З. Левина¹, Н. Ф. Кукушкина [9], И. Я. Жибраткина [4].

Достаточно подробно объектное спряжение исследовал П. Г. Матюшкин [12]. Ученый дал детальное описание процесса изменения глагола в мокшанском и эрзянском языках, рассмотрев его в контексте семи наклонений. Значительная часть его работы посвящена переходности глаголов, определенности объектов действия и выражению завершённого действия. Он обратил внимание на то, что объектное спряжение в мокшанском языке от эрзянского отличается аффиксами и формами времени. Кроме того, отметил, что наличие в эрзянском языке различных вариантов субъектно-объектных формантов также является отличительным признаком.

Согласно П. Хайду, образование объектного спряжения началось с форм 3-го лица, где переходные глаголы имели личный формант, в то время как у непереходных глаголов этого форманта не было. Позже это различие между двумя спряжениями распространилось с 3-го лица на первые два лица, что послужило началом образования объектного спряжения [16]. Венгерский ученый Л. Керестеш, говоря об объектном спряжении подчеркивает, что мокша и эрзя активно использовали древние элементы, которые имелись в их словарном запасе, при этом в указанные языки постепенно внедрялись новые особенности [8]. Б. А. Серебренников, в свою очередь, утверждает, что начало становления объектного спряжения в финно-угорских языках связано с 1-м лицом прошедшего времени и использованием лично-притяжательных формантов в их первоначальном значении [13]. Согласно мнению других ученых, происхождение объектного спряжения связано с завершением эволюции древнего финно-угорского языка. Однако первоначальные этапы развития категории объектности некоторые лингвисты связывают с древней уральской эпохой [11].

Материалы и методы

В исследовании были использованы лингвистические данные веляземско-каргальских говоров, которые были зафиксированы авторами в районах Республики Мордовия, где проживает мокшанское население. С помощью синхронно-описательного метода были охарактеризованы особенности анализируемых говоров в настоящий период их развития. В отдельных случаях использовался сопоставительный метод, который способствовал основательному рассмотрению процессов в языке, включая неоднозначность объектных форм прошедшего времени.

Результаты исследования и их обсуждение

Объектное спряжение в веляземско-каргальских говорах указывает на лицо как субъекта, так и объекта действия. Глаголы в этом спряжении показывают наклонение, время, а также число и лицо объекта и субъекта. Принимать категорию объектности могут только транзитивные глаголы и интранзитивные, которые пре-

¹ Левина М. З. Мокшень диалектологиясь: тонафнемань пособия. Саранск, 2014. 176 с.

образованы в транзитивные. Форманты объектного спряжения исторически образованы от притяжательных аффиксов, доказательством чего является наличие категории объектности в других уральских языках, среди них мансийский, хантыйский, венгерский и самодийские [10].

В объектном спряжении веляземско-каргальских говоров, в отличие от литературного мокшанского языка, пять наклонений, которые имеют отдельные форманты (отсутствует кондиционал-оптатив, редко встречается оптатив). В работе «Средне-вадский диалект мокша-мордовского языка» С. З. Деваев отмечает, что «объектные формы побудительного наклонения удалось обнаружить не все», так как они малоупотребительны. Ученый дает такие формы с оптативным значением: *kigəvə d'asan n'ej* «пусть никто их не увидит»; *hut' s'ormadəz' hut'dez'* «хоть пусть запишут их, хоть нет (пусть не запишут их)»; *af parə mor s'evn'd'z'at* «пропади пропадом» (букв.: нехороший мор тебя возьми) [4, с. 393].

Эти редко используемые оптативные формы 3-го лица в веляземско-каргальских говорах свидетельствуют о том, что некогда была полная парадигма оптативных форм, возможно недостаточно развитая, а в настоящее время эти формы находятся на грани исчезновения. В веляземско-каргальских говорах оптативные формы заменяются сложной конструкцией: императивная форма глагола *kadma* «оставлять» + основной глагол в личной форме (в индикативе), например: *katk s'evsijn' pinget'n'an'* «пусть возьмет дрова» (букв.: оставь-его возьмет-их дрова-те»; *katk mastərt štasī* «пусть пол помоеет» (букв.: оставь-его пол-тот помоеет-его). В данных образованиях глагол *katk* потерял свое лексическое значение и употребляется как служебное слово, побудительная частица.

В данной работе мы проанализируем объектные формы прошедшего времени в веляземско-каргальских говорах, которые интересны тем, что имеют большую парадигму в сравнении с другими говорами и диалектами мокшанского языка.

Объектное спряжение в рассматриваемых говорах делится на шесть рядов: *mojn'* «меня», *tojn'* «тебя», *sojn'* «его», *m'in'n'* «нас», *t'in'n'* «вас», *s'in'n'* «их», причем в рядах *mojn'*, *m'in'n'* отсутствуют формы 1-го лица; *tojn'*, *t'in'n'* — 2-го лица.

Особенность спряжения в I прошедшем времени в веляземско-каргальских говорах заключается в следующем:

1. В веляземско-каргальских говорах в ряде *mojn'* «меня» объектные форманты различаются лишь в ед. числе: *-m'en'* «он — меня», *-m'ejt'* «ты — меня»; в ряде *m'in'n'* «нас» форманты 2-го лица ед. и мн. числа сходны с формантами 2-го лица мн. числа: *m'es't'* (вы — нас; ты — нас; вы — меня); кроме того, в ряде *m'in'n'* «нас» форманты 3-го лица мн. числа сходны с формантами 3-го лица ед. и мн. числа: *-m'ez'* (они — нас; он — нас; они — меня).

2. В рядах *sojn'* «его» и *s'in'n'* «их» в веляземско-каргальских говорах прослеживаются одинаковые объектные форманты мн. числа 3-го лица *-z'* (они — их; они — его), ед. числа 2-го лица *-jt'* (ты — их; ты — его), ед. числа 1-го лица *-jn'* (я — их; я — его). В данных рядах выступают разные форманты мн. числа 1-го лица: *s'in'n'* «их» — *-jn'ək* (мы — их); *sojn'* «его» — *-s'k* (мы — его). Помимо этого, разные форманты есть и для обозначения мн. числа 2-го лица: *s'in'n'* «их» — *-ij'n't'* (вы — их); *sojn'* «его» — *-s't'* (вы — его).

3. В ряде *tojn'* «тебя» происходит отождествление формантов 1-го и 3-го лица мн. числа. В ряде *t'in'n'* «вас» прослеживаются четыре одинаковые формы, которые

образуются с помощью субъектно-объектного форманта *-d'ez'* (они — вас; они — тебя; мы — вас; мы — тебя; он — вас; я — вас). Различие в формантах есть только в ряде *tojn'* «тебя» в ед. числе: в 1-м лице — *-iJ-t'ən'* (я — тебя); в 3-м лице — *n'd'^z'ət* (он — тебя).

4. В ряде *s'in'n'* «их» объектный формант ед. числа 3-го лица *-z'n'* (он — их) и объектный формант ед. числа 3-го лица в ряде *sojn'* «его» *-z'ə* (он — его) отличаются тем, что первый имеет суффикс мн. числа объектов *-n'*.

5. В веляземско-каргальских говорах ед. и мн. число объекта, как и в рыбкинско-мамолаевских говорах [10], обозначается посредством разных формантов: во 2-м лице *-ijən't'* (вы — их), *-s't'* (вы — его), в 1-м лице *-in'ək* (мы — их), *-s'k* (мы — его).

В веляземско-каргальских говорах объектные формы прошедшего времени имеют особые показатели — объектные форманты могут присоединяться как к гласной, так и к согласной основе (табл. 1).

Таблица 1. Спряжение глагола *pan'məs* «прогнать» в I прошедшем времени

Table 1. Conjugation of the verb *pan'məs* “to drive away” in the I-st past tense

Ряд <i>tojn'</i> «меня»		
Ед. число		Мн. число
1-е лицо	—	—
2-е лицо	<i>pan'-m'ejt'</i> «ты меня прогнал»	<i>pan'-m'es't'</i> «вы меня прогнали»
3-е лицо	<i>pan'-m'en'</i> «он меня прогнал»	<i>pan'-m'ez'</i> «они меня прогнали»
Ряд <i>min'n'</i> «нас»		
Ед. число		Мн. число
1-е лицо	—	—
2-е лицо	<i>pan'-m'es't'</i> «ты нас прогнал»	<i>pan'-m'es't'</i> «вы нас прогнали»
3-е лицо	<i>pan'-m'ez'</i> «он нас прогнал»	<i>pan'-m'ez'</i> «они нас прогнали»
Ряд <i>tojn'</i> «тебя»		
Ед. число		Мн. число
1-е лицо	<i>pan'iJ-t'ən'</i> «я тебя прогнал»	<i>pan'ə-d'ez'</i> «мы тебя прогнали»
2-е лицо	—	—
3-е лицо	<i>pan'-n'd'^z'et</i> «он тебя прогнал»	<i>pan'ə-d'ez'</i> «они тебя прогнали»
Ряд <i>t'in'n'</i> «вас»		
Ед. число		Мн. число
1-е лицо	<i>pan'ə-d'ez'</i> «я вас прогнал»	<i>pan'ə-d'ez'</i> «мы вас прогнали»
2-е лицо	—	—
3-е лицо	<i>pan'ə-d'ez'</i> «он вас прогнал»	<i>pan'ə-d'ez'</i> «они вас прогнали»
Ряд <i>sojn'</i> «его»		
Ед. число		Мн. число
1-е лицо	<i>pan'-ijn'</i> «я его прогнал»	<i>pan'ə-s'k</i> «мы его прогнали»
2-е лицо	<i>pan'-ijt'</i> «ты его прогнал»	<i>pan'ə-s't'</i> «вы его прогнали»
3-е лицо	<i>pan'ə-z'ě</i> «он его прогнал»	<i>pan'ə-z'</i> «они его прогнали»
Ряд <i>sin'n'</i> «их»		
Ед. число		Мн. число
1-е лицо	<i>pan'-ijn'</i> «я их прогнал»	<i>pan'-ijn'ək</i> «мы их прогнали»
2-е лицо	<i>pan'-ij't'</i> «ты их прогнал»	<i>pan'-ij'n't'</i> «вы их прогнали»
3-е лицо	<i>pan'ə-z'n'</i> «он их прогнал»	<i>pan'ə-z'</i> «они их прогнали»

Для образования отрицательной формы в прошедшем времени в веляземско-каргалских говорах используется частица *iz'*. Она стоит перед глаголом и присоединяет к себе личные форманты. Исключением являются некоторые говоры, например, с. Ясная Поляна, где объектные форманты присоединяются к глагольной основе: центр., ю.-в. *ašə-maz' kiz'əft'* / зап. *iz'-mez' kiz'əft'* / *aš kiz'əft'ə-mez'* «он (они) нас (меня) не спросили» и т. д.

Агглютинация отрицательных форм субъектно-объектных аффиксов I прошедшего времени представлена в табл. 2.

Таблица 2. Спряжение глагола *af kiz'əftəms* «не спросить» в I прошедшем времени

Table 2. Conjugation of the verb *af kiz'əftəms* “not to ask” in the I-st past tense

Ряд <i>tojn'</i> «меня»		
Ед. число		Мн. число
1-е лицо	—	—
2-е лицо	<i>iz'-m'ejt'kiz'əft'</i> «ты меня не спросил»	<i>iz'-m'es't'kiz'əft'</i> «вы меня не спросили»
3-е лицо	<i>iz'-m'en'kiz'əft'</i> «он меня не спросил»	<i>iz'-m'ez'kiz'əft'</i> «они меня не спросили»
Ряд <i>min'n'</i> «нас»		
Ед. число		Мн. число
1-е лицо	—	—
2-е лицо	<i>iz'-m'es't'kiz'əft'</i> «ты нас не спросил»	<i>iz'-m'es't'kiz'əft'</i> «вы нас не спросили»
3-е лицо	<i>iz'-m'ez'kiz'əft'</i> «он нас не спросил»	<i>iz'-m'ez'kiz'əft'</i> «они нас не спросили»
Ряд <i>tojn'</i> «тебя»		
Ед. число		Мн. число
1-е лицо	<i>iz'iJ-t'ən'kiz'əft'</i> «я тебя не спросил»	<i>iz'-d'ez'kiz'əft'</i> «мы тебя не спросили»
2-е лицо	—	—
3-е лицо	<i>iz'-n'd'z'ət'kiz'əft'</i> «он тебя не спросил»	<i>iz'-d'ez'kiz'əft'</i> «они тебя не спросили»
Ряд <i>t'in'n'</i> «вас»		
Ед. число		Мн. число
1-е лицо	<i>iz'-d'ez'kiz'əft'</i> «я вас не спросил»	<i>iz'-d'ez'kiz'əft'</i> «мы вас не спросили»
2-е лицо	—	—
3-е лицо	<i>iz'-d'ez'kiz'əft'</i> «он вас не спросил»	<i>iz'-d'ez'kiz'əft'</i> «они вас не спросили»
Ряд <i>sojn'</i> «его»		
Ед. число		Мн. число
1-е лицо	<i>iz'-ijn'kiz'əft'</i> «я его не спросил»	<i>iz'ə-s'kkiz'əft'</i> «мы его не спросили»
2-е лицо	<i>iz'-ijt'kiz'əft'</i> «ты его не спросил»	<i>iz'ə-s't'kiz'əft'</i> «вы его не спросили»
3-е лицо	<i>iz'ə-z'ě kiz'əft'</i> «он его не спросил»	<i>iz'ə-z' kiz'əft'</i> «они его не спросили»
Ряд <i>sin'n'</i> «их»		
Ед. число		Мн. число
1-е лицо	<i>iz'-ijn'kiz'əft'</i> «я их не спросил»	<i>iz'-ijn'əkkiz'əft'</i> «мы их не спросили»
2-е лицо	<i>iz'-ij't'kiz'əft'</i> «ты их не спросил»	<i>iz'-ij'n't'kiz'əft'</i> «вы их не спросили»
3-е лицо	<i>iz'ə-z'n' kiz'əft'</i> «он их не спросил»	<i>iz'ə-z' kiz'əft'</i> «они их не спросили»

Объектные формы II прошедшего времени в веляземско-каргалских говорах не прослеживаются. В других говорах они образуются посредством форманта *-l'*, присоединяющегося к основе глагола, например: центр. *kiz'əft'-al'-əman'* «он меня спросил», *kiz'əft'-al'-əmajt'* «ты меня спросил», ю.-в. *kiz'əft'-l'-išt'ən'* «я тебя спросил».

Заключение

В объектных формах прошедшего времени веляземско-каргалских говоров следует отметить несколько отличительных черт:

1) парадигма объектного спряжения имеет больше смысловозначительных формантов, чем в других диалектах и говорах;

2) в ряде *tojn'* «меня» в форме мн. числа 2-го и 3-го лица и в ряде *m'in'n'* «нас» в формах мн. и ед. числа 2-го и 3-го лица вместо *a* используется *e* (*pan'-m'ez'* «он нас прогнал»);

3) в рядах *sojn'* «его», *s'in'n'* «их» имеются отдельные форманты ед. и мн. числа объекта: в 1-м лице (*pan'ə-s'k* «мы его прогнали», *pan'-ijn'ək* «мы их прогнали»), во 2-м лице *-s't'* (вы — его), *-ijn't'* (вы — их). Исключением являются формы рядов *sojn'* «его» и *s'in'n'* «их» во мн. числе 3-м лице, которые являющиеся идентичными;

4) в ряде *s'in'n'* «их» в формантах ед. числа 1-го лица прослеживается *j*, который образовался из дифтонгического сочетания **ij* (*ij*) (*pan'-ijn'* «я их прогнал», ср: *pan'-in'ě* других диалектов);

5) в веляземско-каргалских говорах после форманта, указывающего на ед. число 3-го лица, выступает показатель объекта *-t* (*pan'-n'd'^z'ət* «он тебя прогнал»);

6) в отрицательных объектных формах прошедшего времени субъектно-объектные форманты присоединяются к отрицанию *af*;

8) в прошедшем времени объектного спряжения веляземско-каргалских говоров, как и в литературном мокшанском языке, много тождественных форм.

СОКРАЩЕНИЯ

Ед. число — единственное число, зап. — западный диалект, мн. число — множественное число, центр. — центральный диалект мокшанского языка, ю.-в. — юго-восточный диалект мокшанского языка.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ананьина К. И. Верхне-алатырские говоры мокшанского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тарту, 1974. 21 с.
2. Бабушкина Р. В. Темяшевский диалект мокша-мордовского языка // Очерки мордовских диалектов: в 5 т. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1966. Т. 4. С. 16 — 226.
3. Деваев С. З. Средне-вадский диалект мокша-мордовского языка // Очерки мордовских диалектов: в 5 т. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1963. Т. 2. С. 261 — 433.
4. Жебраткина И. Я. Глушковско-алексовские говоры в системе мокшанских диалектов: автореф. дис. ...канд. филол. наук. Саранск, 2013. 19 с.
5. Иванова Г. С., Кукушкина Н. Ф. Степень изученности фонетического строя мокшанских диалектов // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2011. № 4 (20). С. 99 — 108. URL: <http://niign.ru/nauchnie-jurnaly/vestnik-4-2011.pdf>
6. Иванова Г. С., Николаева Е. А., Белкина О. В., Сайгутина К. И. Специфика объектных форм прошедшего времени в диалектах мокшанского языка // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2023. Т. 15, № 2. С. 186 — 197. URL: <http://vestnikniign.ru/gallery/V-2-2023-st13.pdf>
7. Иванова Н. В. Переходный диалект мокшанского языка (фонетика, словоизменение): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саранск, 2022. 25 с.
8. Керестеш Л. Основы мордовского языкознания. Дебрецен: Изд-во Дебрецен. ун-та. 2017. 186 с.

9. Кукушкина Н. Ф. Фонетика мокшанских диалектов (в лингвогеографическом аспекте): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саранск, 2012. 22 с.

10. Липатов С. И. Рыбкинско-мамолаевские говоры мокша-мордовского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тарту, 1972. 24 с.

11. Майтинская К. Е. Историко-сопоставительная морфология финно-угорских языков. М.: Наука, 1979. 263 с.

12. Матюшкин П. Г. Объектное спряжение глагола в мордовских языках: дис. ... канд. филол. наук. Тарту, 1973. 182 с.

13. Серебренников Б. А. Историческая морфология мордовских языков. М.: Наука, 1967. 262 с.

14. Феоктистов А. П. Диалекты мордовских языков // Н. Paasonens Mordwinisches Wörterbuch. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen seura, 1990. Bd. I. S. LX — LXXXVI.

15. Цыганкин Д. В., Иванова Г. С. Ассимилятивный потенциал сингармонизма в языках агглютинативного типа // Вестник угроведения. 2019. Т. 9, № 3. С. 510 — 518.

16. Hajdy P. Bevezetés Az Urálinyelvtudományba: (A Magyar nyelv finnugor alapjai). Budapest: Tankönyvkiadó, 1966. 179 p.

17. Paasonen H. Mordwinische Lautlehre. Helsingfors: Souété Finno-Ougrinne, 1903. 123 p.

Статья поступила в редакцию 21.03.2024; одобрена после рецензирования 23.04.2024; принята к публикации 27.04.2024.

Информация об авторах:

Галина Софроновна Иванова, профессор кафедры мордовских языков Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва (430005, Россия, г. Саранск, ул. Большевикская, 68/4), доктор филологических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7717-543X>, galina17-05@yandex.ru

Оксана Вячеславовна Белкина, аспирант отдела языкознания, младший научный сотрудник отдела языкознания Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия (430005, Россия, г. Саранск, ул. Л. Толстого, 3), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1550-7368>, ksyushabelkina1997@mail.ru

Елена Даниловна Пахмутова, доцент кафедры немецкой филологии Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва (430005, Россия, г. Саранск, ул. Большевикская, 68), кандидат педагогических наук, доцент, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2317-4778>, pahmutova@mail.ru

Вклад авторов:

Иванова Г. С. — разработка концепции, развитие методологии, анализ литературы, научное редактирование текста;

Белкина О. В. — сбор данных, анализ литературы, написание первоначального варианта статьи, компьютерный набор текста;

Пахмутова Е. Д. — разработка концепции, развитие методологии, анализ литературы.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Ananyina KI. The Upper-Alatyr Dialect of the Moksha Language. Abstract Dis. ... Cand. of Philol. Sci. Tartu;1974. (In Russ.)
2. Babushkina RV. Temyashevsky Dialect of the Moksha-Mordovian Language. *Essays on Mordovian Dialects*. Saransk;1966;4:16—226. (In Russ.)
3. Devaev SZ. The Middle Vad Dialect of the Moksha-Mordovian Language. *Essays on Mordovian Dialects*. Saransk;1963;2:261—433. (In Russ.)

4. Zhebratkina IYa. Glushkov-Alexov Dialects in the System of Moksha Dialects. Abstract Dis. ... Cand. of Philol. Sci. Saransk;2013. (In Russ.)
5. Ivanova GS, Kukushkina NF. The Degree of Study of the Phonetic Structure of the Moksha Dialects. *Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia*. 2011;(4):99—108. URL: <http://niign.ru/nauchnie-jurnaly/vestnik-4-2011.pdf> (In Russ.)
6. Ivanova GS, Nikolaeva EA, Belkina OV, Saigutina KI. Specificity of Object Forms of the Past Tense in the Dialects of the Moksha Language. *Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia*. 2023;15(2):186—197. URL: <http://vestnikniign.ru/gallery/V-2-2023-st13.pdf> (In Russ.)
7. Ivanova NV. Transitional Dialect of the Moksha Language (Phonetics, Inflection). Abstract Dis. ... Cand. of Philol. Sci. Saransk;2022. (In Russ.)
8. Kerestesh L. The Fundamentals of Mordovian Linguistics. Debrecen;2017. (In Russ.)
9. Kukushkina NF. Phonetics of Moksha Dialects: in the Linguistic and Geographical Aspect. Abstract Dis. ... Cand. of Philol. Sci. Saransk;2012. (In Russ.)
10. Lipatov SI. Rybkin-Mamolaev Dialects of the Moksha-Mordovian Language. Abstract Dis. ... Cand. of Philol. Sci. Tartu;1972. (In Russ.)
11. Maytinskaya KE. Historical and Comparative Morphology of the Finno-Ugric Languages. Moscow;1979. (In Russ.)
12. Matyushkin PG. Object Conjugation of the Verb in the Mordovian Languages. Abstract Dis. ... Cand. of Philol. Sci. Tartu;1973. (In Russ.)
13. Serebrennikov BA. Historical Morphology of Mordovian Languages. Moscow;1967. (In Russ.)
14. Feoktistov AP. Moksha Dialects. X. *Paasonens. Mordwinisches Wörterbuch*. Helsinki;1990:71—86. (In German)
15. Tsygankin DV, Ivanova GS. Assimilative Potential of Vowel Harmony in Languages of Agglutinative Type. *Bulletin of Ugric Studies*. 2019;9(3):510—518. (In Russ.)
16. Hajdy P. Bevezetés Az Uráli Nyelvtudományba: (A Magyar Nyelv Finnugor Alapjai). Budapest;1966. (In Hungarian)
17. Paasonen H. Mordwinische Lautlehre. Helsingfors;1903. (In German)

The article was submitted 21.03.2024; approved after reviewing 23.04.2024; accepted for publication 27.04.2024.

Information about the authors:

Galina S. Ivanova, Professor of the Department of Mordovian Languages of National Research Mordovia State University (68/4 Bolshevistskaya Str., Saransk 430005, Russia), Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7717-543X>, galina17-05@yandex.ru

Oksana V. Belkina, Postgraduate Student of the Department of Linguistics, Junior Researcher of the Department of Linguistics of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia (3 L. Tolstogo Str., Saransk 430005, Russia), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1550-7368>, ksyushabelkina1997@mail.ru

Elena D. Pakhmutova, Associate Professor of the Department of German Philology of National Research Mordovia State University (68 Bolshevistskaya Str., Saransk 430005, Russia), Candidate of Pedagogical Sciences, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2317-4778>, pahmutova@mail.ru

Contribution of the authors:

Ivanova G. S. — concept development, methodology development, literature analysis, scientific editing of the text;

Belkina O. V. — literature analysis, writing the original version of the article, data collection and processing;

Pakhmutova E. D. — concept development, methodology development, literature analysis.

Conflict of interests: the authors declare no conflict of interests.

The authors have read and approved the final version of the manuscript.